

НУЖНА ЛИ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ?

О.Ю. МАМЕДОВ,

доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Южный федеральный университет,
e-mail: oktaj-mamedov@yandex.ru

Автор рассматривает противостояние теоретиков и практиков в экономической науке. Он приходит к выводу, что наступает период открытой борьбы с засилием эмпириков.

Ключевые слова: экономическая наука; теоретики и эмпирики; опасность эконометрики.

The author examines the conflict theorists and practitioners in the economic science. He comes to the conclusion that a period of open struggle against the domination of the empiricists.

Keywords: economics; theoretical and empirical; the danger of cost-metric.

В каждой отрасли научного знания можно наблюдать изнурительное противостояние теоретиков и практиков. Но какого-то крайнего антагонизма оно периодически достигает необъяснимым образом только в науке экономической. В этом аспекте знаменательным событием, на наш взгляд, следует считать конференцию, состоявшуюся в Корнелльском университете (май 2004 г.) на тему «75 лет исследований в области развития экономической науки»¹. Почему?

На этой конференции против засилья эмпиризма с открытым забралом выступили пять известных экономистов: Dilip Mookherjee — «Is There Too Little Theory in Development Economics?» («Слишком мало теории в развитии экономической теории?»), Pranab Bardhan — «Theory or Empirics in Development Economics» («Теория или эмпиризм в развитии экономической теории»), Kaushik Basu — «The New Empirical Development Economics» («Новая эмпирика развития экономической теории»), Abhijit Banerjee — «New Development Economics and the Challenge to Theory» («Новое развитие экономической теории как вызов теории»), Ravi Kanbur — «Goldilocks Development Economics: Not Too Theoretical, Not Too Empirical» («Золотое правило развития экономической науки: не слишком теоретично, не слишком эмпирично»).

Предлагаемые вниманию читателей заметки представляют собой своего рода пессимистический комментарий к идеям данной конференции с высоты прошедших после нее более чем семи лет — общепризнанного периода циклического обновления плоти и духа.

¹ См.: New Directions in Development Economics: Theory or Empirics? A Symposium in Economic and Political Weekly (Новые направления в развитии экономики: теория или эмпирика? Симпозиум в экономическом и политическом еженедельнике) // Источник: URL.: <http://ideas.repec.org/p/bos/iedwpr/dp-153.html>.

Как отметил на конференции ведущий экономист Корнелльского университета г-н Dilip Mookherjee, развитие экономики все в большей степени становится результатом эмпирических дисциплин: если теория господствовала в течение 1980-х и начале 1990-х гг., то в последние десять лет первичные исследования экономических проблем стали все чаще определяться эмпирическими и политическими соображениями. По мнению г-на Dilip Mookherjee, в балансе между теорией и практикой маятник сегодня отклонился слишком далеко в сторону практики, поэтому и возникает необходимость в теоретической переориентации некоторых доминирующих научных исследований.

Действительно, что касается соотношения между теорией и эмпирикой, то большинство экономических мыслителей первой половины XX в. придерживались поразительно разных мнений. В качестве доказательства этого положения Dilip Mookherjee напомнил о том, что в предисловии к своему монументальному исследованию «История экономического анализа», в котором не менее тысячи страниц посвящено развитию экономической теории, Джозеф Шумпеттер высказал суждение, согласно которому изучению экономической теории должно предшествовать изучение экономической истории и экономической статистики.

На альтернативной позиции находился Джон Мейнард Кейнс, сохранявший традицию глубоко недоверчивого отношения к статистике и сделавший, в частности, ряд едких замечаний относительно монографии Тинбергена² (о статистической проверке его теории делового цикла), которые венчала саркастическая сентенция — «эконометрика скорее статистическая алхимия, чем наука»³.

Тем не менее нельзя отрицать, что со времен дискуссии Кейнса–Тинбергена эконометрический анализ добился впечатляющих успехов. Во всяком случае, научный статус эконометрики сегодня внушает гораздо меньше сомнений, что убедительно аргументировал в своей инаугурационной лекции в Лондонской школе экономики в 1980 г. Дэвид Hendry (который более чем сорок лет спустя после отмеченной реплики Кейнса все еще продолжал заочный спор с последним)⁴.

Я не сомневаюсь, продолжает г-н Dilip Mookherjee, что многие экономисты и сегодня будут согласны с такой оценкой. Однако современная актуальность дискуссии Кейнса–Тинбергена для развития экономики больше распространяется на те эмпирические и полевые исследования, которые носят преимущественно описательный характер, но, однако, стремятся представить дело так, будто имеют непосредственное отношение к выводам теории процесса развития и теории прогнозирования будущего. Многие из таких исследований выполнены в духе «антропологического» подхода и являются скорее «описанием ради описания». Но все-таки описание — это одно, а теоретический вывод — совсем другое; здесь мы сталкиваемся с тем, что Кейнс метко охарактеризовал как «скользящая проблема перехода от статистического описания к индуктивному обобщению»⁵.

Цель современной эконометрики — четко определить гипотезы, подлежащие проверке, зафиксировать наблюдаемые последствия, а также провести тест на меру допущения, необходимого для того, чтобы теоретический вывод стал практическим. Такие исследования в настоящее время находятся на границе современных эмпирических поисков в области развития экономики.

Десятилетие спустя аналогичная дискуссия возникла между Tjalling Koopmans и Rutledge Vining, после того как Koopmans выступил с критикой эмпирического анализа бизнес-циклов Бернса и Митчелла⁶. Koopmans'овская критика дает красноречивые характеристики порочно-

² He so clearly prefers the mazes of arithmetic to the mazes of logic, that I must ask him to forgive the criticisms of one whose tastes in statistical theory have been, beginning many years ago, the other way around // J.M. Keynes. «Professor Tinbergen's Method» («Метод профессора Тинбергена»). *Economic Journal*. Vol. 49. No. 195 (Sept 1939). P. 558–577. Review of A Method and its Application to Investment Activity (Обзор метода и его применение в отношении инвестиционной деятельности), by Jan Tinbergen. Geneva: League of Nations, 1939.

³ Там же. P. 559.

⁴ Hendry D. *Econometrics: Alchemy or Science?* (Эконометрика: алхимия или наука?) // *Economica*. 1980. Vol. 47. November. P. 387–406.

⁵ Description is one thing, but inference is quite another, what Keynes referred to as the 'slippery problem of passing from statistical description to inductive generalization.

⁶ This debate originally appeared in the «Review of Economics» and Statistics between 1947 and 1949. It is reprinted in the American Economic Association's volume of Readings in Business Cycles (эта дискуссия первоначально появились в «Обзоре экономи-

сти «измерения без теории», проводя аналогии в отношениях между кеплеровским эмпирическим и ньютоновским теоретическим этапами в науке о небесной механике.

Затем г-н Dilip Mookherjee изложил обязательные, по его мнению, этапы экономического исследования.

Этап первый — эмпирическое описание соответствующего явления, состоящее из «разведочных» данных; анализа, направленного на выявление эмпирических закономерностей, которые еще необходимо объяснить, в какой мере они соответствуют принятой теории; оценка того, насколько уже принятая теория может не согласовываться с получаемыми эмпирическими моделями⁷.

Этап второй — формулировка соответствующей теории, в том числе и вывода о наблюдаемых или потенциальных последствиях (именно на этом этапе возможна фальсификация знания).

Этап третий — тестирование и оценка теорий, этап, который может привести к модификации или замене предыдущих теорий в рамках итерационного движения.

Этап четвертый — использование наиболее успешной теории с точки зрения эмпирической проверки в целях прогнозирования и оценки политики.

Далее г-н Dilip Mookherjee поделился своим видением ситуации в современной экономической науке. По его словам, типичный документ на любой конференции или в ведущем экономическом журнале в настоящее время создается, как правило, в эмпирическом жанре. Он сосредоточен в основном на проблеме или явлении, по каким авторы собрали некоторые эмпирические данные и создали некое подобие теоретической гипотезы, для которой могут быть приняты эти собранные «данные», после чего наступает момент эконометрической оценки и тестирования. Даже по теоретическим работам обращение к гиперссылке обнаруживает более всего документальные, эмпирические факты как обоснование цели и мотивации подготовки такой статьи.

Все чаще ученые отражают на эмпирическом уровне наиболее важные вопросы и те теоретические разработки, которые лучше всего подходят для выполнения этой задачи, а затем собирают собственные данные, прежде чем перейти к эконометрическому анализу. Между тем, теоретическая модель помогает определить соответствующие эмпирические переменные, способы их измерения и выявления потенциальных эконометрических проблем, а затем — и лучшие способы проверки возникающих отклонений.

Эмпирические методы реализуются в разных областях экономики, в первую очередь — в экономике труда. Однако ключевая проблема, с которой сталкиваются типичные эмпирические методы сегодня, — это обеспокоенность различными возможными эконометрическими манипуляциями. Мастерство и качество статьи, связанные со степенью убедительности умозаключения, могут обнаружить ее уязвимость со стороны эмпирического анализа. И большинство из этих проблем могут порождаться именно применением соответствующих эконометрических инструментов. Эта опасность, однако, минимизируется при условии наличия высшего качества (репрезентативных) данных.

Теоретические же исследования получают сегодня, как правило, оценку почти исключительно с точки зрения их непротиворечивости эконометрическим характеристикам, что зачастую наносит ущерб важности контекста или анализируемым вопросам. В результате актуальные теоретические исследования вынуждены переходить на частности изучаемого явления, вследствие чего теоретический анализ приобретает микроскопический характер, так как «для других мест мало ценности в том, что мы узнали о каком-либо конкретном месте».

ки» и статистики между 1947 и 1949 гг.; она воспроизводится в Американской экономической ассоциации в объеме чтения по бизнес-циклам).

⁷ Примером подобных истинно научных и в то же время позитивных экономических исследований, всегда приобретающих характер историко-экономического дескрипта, не содержащего особых теоретических амбиций, являются работы по новой истории Ф. Броделя (см. *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций. М., 2008; Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3 т. М., 2007.).

В заключение г-н Dilip Mookherjee объясняет, почему он считает, что в экономической науке слишком мало экономической теории. Есть еще много важных и интересных теоретических вопросов, которые ждут своего решения: динамический фактор несовершенства рынка для отдельных субъектов; их инвестиционные решения, которые влияют на эволюцию будущих активов и профессионализацию их семей; зависимость этих процессов от внешних потрясений или политических мероприятий; взаимодействие экономических процессов, политических институтов и социальных норм; последствия замены традиционных предположений рациональности в поведенческих моделях; эндогенные эволюции предпочтений по многим ключевым вопросам политики в области развития.

Между тем, самим экономистам прекрасно знакома сила и слабость эмпиризма в экономической науке — «эмпирическая экономика хорошо изучает то, что уже произошло»⁸. Именно эту ограниченность и осознают уцелевшие экономисты-теоретики, которые хорошо понимают, что эмпирика — это наука о том, что было, а вот для ответа «на вопрос о том, что может произойти и что может быть, нам нужна теория. Мы должны позволить теории участвовать в понимании того, что произошло, то есть в понимании и самой эмпирической экономики»⁹.

Экономическая наука занимает особое место в системе социального знания. Эту особенность необходимо выводить из «срединного» положения экономического знания между «чисто социальным» и «чисто естественнонаучным» знанием. Но что действительно роднит экономику с философией, социологией и политологией, так это присущая трем названным дисциплинам неуемная жажда самоутверждения в статусе науки, которая подвергается сомнению на протяжении всей истории их существования (особенно — в периоды социального и экономического кризиса). Вот почему экономический эмпиризм, как кажется прикладникам, важен тем, что он якобы способен удовлетворить всем формальным критериям научности, предъявляемым экономической науке представителями классического естественнонаучного знания, и тем выгодно придать ей ту эмпирическую строгость, которая никак не дается всем другим социальным наукам. С этой позиции экономисты-эмпирики воображают, что эконометрика — тот «козырный туз», предъявив который научному сообществу, они заставят уважать и себя, и эмпирическое состояние экономической науки.

Таким образом, те атрибуты экономического анализа, которые драпируют его в многообразные экспериментальные и формализованные одеяния, те мощные устройства для сбора и обработки статистических данных, которые лежат в основе аналитических документов по экономике, зачастую просто заимствованы из области естественных наук, как и простодушное взятие «напрокат» естественнонаучных категорий¹⁰.

Из этого следует, что экономистами до сих пор владеет своеобразный «комплекс неполноценности», вынуждающий их с особым рвением отдаваться эконометрическим экзерцициям, что фактически превратило развитие новейшей экономической науки в коллективную имитацию эмпирически-верифицируемых критериев истинности экономических знаний¹¹. Трудное восхождение к вершинам экономической теории, совершенное экономистами в период «от Смита—до Маркса», трансформировалось в неприлично попятное движение; даже позитивизм, не бог весть какая теоретическая высота, и тот умудрился вырождаться в эмпиризм — таков бесславный путь экономической науки с середины XIX в. по настоящее время.

⁸ См.: The American. Article tools. The Theorist. By Caren Chesler From the November/December 2007/ Issue.

⁹ См.: Empirical vs. Theoretical Economics (Эмпирическое против теоретической экономики) // Источник: URL: <http://naturalaw.failureto refrain.com/2007/12/19/empirical-vs-theoretical-economics>; см. также: — Is economics an empirical science? (Является ли экономика эмпирической наукой?) // Источник: URL: <http://crookedtimber.org/2004/07/14/is-economics-an-empirical-science/>.

¹⁰ Последний пируэт вообще вызывает необыкновенный экстаз у экономистов, особенно когда им удастся вставить ни к селу, ни к городу, например, прилагательное «синергетический», «поликритериальный» или «инкрементальный» (не к ночи будь помянут сей вербальный ужас!).

¹¹ См. блестящую статью Djamel Arrouche et Fayçal Arrouche «La science et la vérité Articles» («Статьи о науке и истине») // Источник: URL: <http://www.cndp.fr/magphilo/phil07/inhumaine.htm>.

Итог, скажем прямо, плачевный — и «естественнонаучной» дисциплиной не стали, и социальное начало утратили. Только этой утратой объясняется тот неопровержимый факт, что экономисты толпой бросаются от одной модной концепции к другой, что одни и те же проблемы обретают неподобающее науке альтернативное толкование на протяжении чуть ли не веков (например, — категориальные характеристики стоимостеобразующего процесса, оценки последствий государственного вмешательства в экономику, роль рыночных институтов).

Иногда буквально диву даешься — да сколько же еще можно противиться императивам эффективной экономики, обрекая экономическую науку на хождение по замкнутому порочно-му кругу, отрицая неэффективность государственного вмешательства в регулирование рынка, отрицая приоритет свободной торговли, попирая элементарные основы конкурентной организации экономики и не понимая необходимости беспощадной войны с протекционизмом и монополизмом?

Если экономической науке и суждено будет погибнуть, то вовсе не из-за сложности познаваемого объекта, а из-за эконометрического обслуживания потребностей чиновной бюрократии. Видимость противоборства различных парадигм на самом деле скрывает противоречие между объективной логикой движения научного (т. е. — свободного!) экономического знания и служивым положением большинства экономистов — то, о чем давно и блистательно предупреждал великий Маркс.

Известные французские экономисты Жан-Люк Demeulemeester и Клод Diebolt в статье «Какова роль эмпирического исследования в области экономики?»¹² отмечают, что экономическая наука, действительно, обычно делится на теоретическую и прикладную части¹³. Далее авторы пишут — хотя клиометрия и является отраслью прикладной экономики, но многие настолько верят в ее самостоятельность, что допускают возможность «измерения без теории» (?) Однако сегодня даже историки согласны с тем, что сами по себе факты не в состоянии рассказать свою собственную историю. Эконометрическое моделирование ныне более основано статистическими свойствами экономических процессов, чем их теоретической трактовкой. Авторы приходят к важному выводу — клиометрия является «вспомогательной» дисциплиной экономической науки и в этом качестве должна быть частью багажа любого экономиста, но она не может существовать сама по себе.

Особая опасность эконометрики в том, что она способна покончить вообще с дискуссиями в экономической науке, ибо по поводу фактов дискутировать нечего, — дискуссии в науке могут быть только относительно теоретической (концептуальной) интерпретации выявленных фактов.

Но самую удивительную разновидность эмпирических экономических изысканий представляют собой работы по конкретике отечественной экономики. Смесь высокопарной пошлости с воинствующим игнорированием элементарных азов экономической теории, отождествление экономической статистики с экономической наукой, применение убогого «математического» аппарата, дальше пролонгации и подтасованной корреляции не заходящего, — такие исследования обычно легко удостоиваются официального признания (в виде издания «статей» и «монографий», а также утверждения в «ученой степени»), что в дальнейшем позволяет авторам подобных «исследований» уже официально распространять эмпирические миазмы на всю доступную им область экономики.

Типичный алгоритм лженаучного эмпиризма сводится к следующему.

Этап первый («постановочный») — торжественно, эпохально и раздумчиво звучит Великая Пошлость, исполняющая роль некоего концептуально-былинного «зачина», например, — «раз-

¹² См.: Jean-Luc Demeulemeester, Claude Diebolt. Quelle place pour les recherches empiriques en économie? L'apport de la cliométrie // Источник: URL: <http://cdiebolt.free.fr/fr/presentation/clio5.htm>.

¹³ Знаменательно, что под «теоретической» экономикой авторы подразумевают разработку математических (!) моделей, соглашаясь с тем, что экономисты без сопротивления ассимилировались математикой.

вите социально-экономических систем характеризуется высокой степенью зависимости от функционирования производственных структур, влияние которых... усиливается». Почесав затылок, огорошенный читатель переводит глаза на следующий абзац — «специфика конкретных областей обусловлена наличием природных ресурсов и экономического потенциала, уровнем освоенности территории и ее заселенности». Нельзя сказать, чтобы отмеченная специфика не была обусловлена тем, на что указано, но и нельзя отрицать, что подобных фраз может быть сочинено неисчислимо множество.

Этап второй («вкладный») — приращение знания, как изящно именуется в официальных головах, сей этап, состоит, например, в следующем — «аргументирована система критериев и приоритетов структурной политики, включающая, с одной стороны, ресурсный потенциал, платежеспособный спрос, уровень жизни населения, развитую инфраструктуру, с другой — сельское хозяйство и заготовки, ряд отраслей промышленности, транспортный комплекс, а также туризм». Ждать от автора объяснения, каким непостижимым образом он «с одной стороны» объединил «ресурсный потенциал» с «платежеспособным спросом», добавил туда «уровень жизни населения» и все это приправил «развитой инфраструктурой», а «с другой» — «сельское хозяйство и заготовки», «ряд отраслей промышленности», «транспортный комплекс», «а также туризм», не приходится, ибо автор и сам не ведает, как ему это удалось. Да его это и не волнует.

Этап третий («аналитический») — здесь приводится масса «экономического» и «статистического» текста, вызывающая у читателя (если таковой и найдется) какое-то умоисступление, например: «Важнейшими сферами производственной деятельности являются производство товаров (сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; промышленность, включающая добычу полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды; строительство; другие виды) и производство услуг, прежде всего: оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; транспорта и связи; государственного управления и обеспечения безопасности, обязательного социального обеспечения; образования; здравоохранения и предоставления социальных услуг и др.» Извините, и что из того, что «важнейшими сферами производства являются производство товаров и производство услуг»? То ли никто этого не знал, то ли что-то еще осталось за пределами «товаров и услуг»?

А вот и «корреляция» — «расчеты с помощью корреляционно-регрессионного моделирования, показали, что на объем товарной продукции крестьянского, фермерского хозяйства оказывает существенное влияние обеспеченность сельскохозяйственной техникой и пашней». А что, до таких расчетов в этом были сомнения?

И так далее, и так далее, и тому подобное... Такая теория действительно не нужна практике, как, впрочем, и ей самой не нужны — ни методология, ни практика.

Однажды Маркс, доведенный до отчаяния геллертерским языком Гегеля, изложил свою рецензию в одном слове — «Ужас!»

В случае же знакомства с нашими эмпириками он бы вообще лишился дара речи.